

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР ОПЕРЕТТЫ.

Обсуждение комической оперы композитора ШЕННИНА

"ДВЕНАДЦАТАЯ НОЧЬ".

15 ноября 1938 года.

Председательствует - тов. АЛЕКСАНДРОВ - директор Театра.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Давайте высказываться.

КЕЙТОР. Это не оперетта, а комическая опера!

В общем кратко можно сказать так, что на меня это произвело превосходное впечатление. Это во всех отношениях превосходное сочинение. Я не могу судить о диспропорции или пропорции между текстом и музыкой. Вы говорили о двух часах музыки и одной часе текста. Но дело не столько в этом. Отдельные номера, например номер с толдовскими клинками - слегка перетянуты, но об этом говорить нельзя. Это в процессе репетиционной работы можно будет сделать. Музыкальный язык очень ясный, но порой не очень легкий, потому что есть бесчисленные популярно-ные отклонения, даже в самых простых вещах. Когда была песенка шута, то мне она показалась очень легкой, но интонационно очень трудной. Интонации очень трудные. Напев из арии герцога приятно обрамляет всю пьесу. Он идет вперед, как лейт-мотив. Это вполне естественно. Это и в увертюре есть?

ШЕННИН. Нет.

КЕЙТОР. Это вполне понятно и получается не-

...простой и ясной напевно-

стью и некоторыми весьма трудными и сложными интонациями.

Мне пришлось беседовать с Нач-ком музыкального управления Комитета по делам искусств, и он говорит, что величайшая задача нашего времени заставить наших оперных актеров лучше разговаривать и опереточных актеров петь более трудные вещи. С этой точки зрения произведение играет педагогическую роль, но в некоторых местах придется поступиться музыкальным изобретением вкусом.

Это было бы все таки очень благое дело. Это мое глубокое убеждение.

ШЕШИН. Вы считаете трудным для исполнения или для восприятия? Если для восприятия, тогда нужно менять, если для исполнения - пускай трудятся.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Для широких кругов это трудно и для восприятия.

КРИТОР. Вообще говоря, музыка превосходная. Совершенно яркий законченный спектакль, который имеет абсолютно все права на существование и я уверен, что не только в Москве.

ПЕЧАЕВ. Я вполне согласен прежде всего с тем положением, что это превосходная музыка, очень яркая, что здесь есть просто замечательные моменты, как у Маллимо. Это просто прекрасный образ. Но я могу согласиться с некоторыми замечаниями, что трудности есть, но не настолько, чтобы это было бы непреодолимо. Конечно, можно преодолеть.

3

Я слушал один раз, и несмотря на то, что фортепиано играло лучше, чем ты сам играешь /обращаясь к т. Шеншину/, но в то же время два момента бесспорны. Ты исполнял, а пианистка играла и не было достаточного единства для восприятия сего дня. Это нужно учесть. Некоторые моменты, которые казались бы не так доходят, они, когда исполнение будет дано по настоящему, будут восприниматься. Это для меня совершенно несомненно.

Совершенно пропал предпоследний хор, который у тебя получался хорошо. Это хор в клинках. Он великолепен. Когда ты сам играл, коряво играл, но скиная все динамически, ты давал вещь по настоящему.

У меня есть скорее возражения, которые я говорил раньше и подтверждаю сейчас, это дуэт Оливии с Виолой. Вот это кажется длиновато. Не знаю, когда будут петь голоса, то м. б. это будет не так со сцены. Сейчас это производит впечатление растянутости.

Сделана эта вещь безупречно, с прекрасным вкусом и чутьем сцены, голосов. Все это замечательно.

Но должен сказать, что это не совсем комическая опера.

ВОЗГЛАС. Лирико-комическая!

ВОЗГЛАС. *Singspiel!*

НЕЧАЕВ. Это среднее между опереттой и комической оперой. Для нас это страшно ценно. Это очень высоко понимает культуру оперетты и заставит опереточных артистов как то почувствовать

4

что можно петь очень хорошую музыку и она может быть трудной. И это большая заслуга поэмы либреттиста и композитора.

Вот все, что я хотел сказать.

ВОЗГЛАС. Хорошо, если бы Шекспироведы высказались.

ДМИВЛЕГОВ.

Я должен заявить, что совсем не музыкант и что музыкальная часть, в которой так хорошо разбираются товарищи, для меня в значительной мере остается таким дворцом, в который я не очень вхожу. Но, как дилетант, как зритель более или менее культурный, как человек, который любит тот источник, из которого вы вместе с либреттистом пытались, - должен сказать, что и на меня все, что я слышал, производит великолепное впечатление. Сама идея зачерпнуть у Шекспира его тему, его великолепный оптимизм, его жизнерадостное восприятие мира, все это повалить на сцену, которая не очень привлекла к такому великолепному материалу - это мысль просто чудесная! И совершенно правильно говорили товарищи, что нашу оперетту это поднимет на много ступеней выше. И публику нашу научить переходить от восприятия оперетты на восприятие более высокой музыки, м.б. в другом здании, а м.б. по примеру вашему и в этом здании.

Масюлько мне доступно понимание музыки и текста, думаю, что все это сделано в высокой степени с хорошим чутьем и вкусом. Не могу, конечно из Вашего "чудесного" исполнения/снес/ понять

всю красоту, которую музыканты поняли, в отдельных номерах сольных. Но ансамбль, хоры, балетные номера — все это доходило великолепно и я просто радовался, что Шекспир при переложении на музыку получается в такой великолепной музыкальной интерпретации.

И думаю, что для нашей оперетты это великолепный рубеж, после которого она м.б. перейдет к такому материалу, а для нашей публики это будет чудесная воспитывающий и хорошо воспринимающийся спектакль.

ЮРЛОВ. Когда я приступил к чтению текста, то я относился с мрачным чувством. Над этой вещью "Двенадцатая ночь", я долго сидел на семинарах, хорошо знаю английские тексты. С некоторым чувством неприязненности я начал читать, а когда прочел либретто, то просто откровенно скажу, как буду откровенно говорить о всех минусах и плюсах, что это блестящий текст, который блещет жизнерадостностью и талантом.

Минусы я считаю вот какие. Скажу прямо! Не выделен в тексте и соответственно в музыке Фальстафовский фон в достаточной степени. Белзи просто прикичен до пьяницы. Эта арка передает по существу от Мальволио... Здесь только пьянство, а жизнерадостность, солнечная сторона сэра Джона Фальстафа, в которую уходит большое народное творчество Англии — этого нет. И следовало бы как-то еще больше жизнерадостности, больше Фальстафовского тона — дать.

6

Я говорю очень быстро! Образ Марки - замечательный образ. Это не строптивая, а это причудница, она только веселая, обычного субреточного веселого типа. Бен Джоном таких причудниц присовал много. Это также могло усилить Фальстафовский фон.

Большим плюсом либретто я нахожу, что эта вещь "Близнецы", здесь ведущим мотивом является эта тема и с большим тактом написано на тему Шекспира. Это тем более хорошо, что сейчас по рецензиям на "Двенадцатую ночь" Шекспира мы видим, как советский зритель с особенным интересом следит за судьбой Виолы.

В рифмах есть некоторый известный модерн, который может психологически подействовать: - "девеста" и "протеста"... Это просто не нужно.

Теперь о музыке. Я абсолютно ничего не понимаю и поэтому могу говорить нахально... /СМЕХ/
Я буду говорить, как простой зритель. Получилось сразу такое впечатление, что музыка пулов на 5000 тяжелее, чем текст, и эта диспропорция внутренняя, стилистическая, далеко не всегда доступна. Не думаю, чтобы это было потому, что на рояли играли. Я всегда прослушивал на рояли и рояль меня не отпугивает. Мальволио - вчел, колыбельная - вчел, песня Тоби - вчел... А масса мест как-то тяжеловата. М.б. из-за тяжести музыки создается впечатление длиннот, чего в тексте нет. Музыку нужно как-то облегчить. Скажу просто, как зритель, она во многих местах мало доступна. Музыка гораздо тяжелее текста.

Музыкальные красоты я просто не могу оценить, как специалист.

ЧЕМОДАНОВ.

После быстрого прослушивания трудно говорить. Хочется самому проиграть, изучить, посмотреть партитуру. Здесь нет увертюры, некоторых оркестровых номеров. Можно говорить только о беглом впечатлении, без сознания полной ответственности за свои слова.

Я шел сюда с некоторым пренебрежением. Шекспир пугал! Интересны были высказывания шекспирологов. Я рад, что они не считают профанированием Шекспира это произведение, из-за превращения в оперетту.

Я боялся текста! Я не знал, кто автор текста "Двенадцатую ночь" не уложить целиком на музичку, особенно опереточного типа. Но я получил очень хорошее впечатление, несмотря на некоторый страх святотатства. Я говорю о тексте. Я не компетентный судья, но здесь сочный, колоритный, увлекательный текст.

Что касается музыки, то она показалась очень интересной и вполне достойной. Гармонически очень сложная. Модуляции действительно изощренного вкуса. Но мне не понравилось, что есть длиннота и не понравилось, что музыка отстает. Тяжелое исполнение, не в обиду будь сказано пианистке, вернее тяжелой исполнитель... /СМЕХ/
И тембр не те! Когда мы услышим в оркестре, то тяжеловесность аккордов пианино расцветится кра-

8

сками. Масса струнных моментов, которые иначе зазвучат в оркестре. Не думаю, что есть диспропорция нагрузки. Несомненно, что музыка трудна и для исполнителей, и для слушателей. Прав А. Г. что трудна для исполнителей.

ВОЗГЛАС. За это деньги получают!

ЧЕМОДАНОВ. Они должны приплатить, потому что квалификация повышается.

Тут много мелодических элементов, но мелодическая линия серьезная, есть много речитативов. Они создают впечатление некоторой длинноты, но нужно иметь в виду, что здесь мы не имеем ни оркестра, ни вокалистов, ни актеров... Если будут эти элементы, то длинноты/которые мне показались такими/ совершенно исчезнут.

Что касается восприятия зрителем, то вестями пожалуй это трудновато, но не вокальный язык, а оркестровый. Если оркестр будет слишком мешать слушателям, будет мешать слушать певцов, то зритель будет сердиться.

ШЕННИН. Этого не будет! Очень легкая, прозрачная оркестровка.

ЧЕМОДАНОВ. Если оркестр не будет мешать, то некоторая часть слушателей просто не услышит оркестра, а кто услышит, тот найдет много интересного. Я не знаю, какие краски оркестровые, тут требуется очень богатая оркестровка. Я мало знаю оркестровую композицию, но при красочных богатых тенбрах оркестра - эта грузность исчезает.

Лично я, пока что не рассматриваю недостатков.

Я думаю, что это будет очень полезно в смысле квалификации и артистов, и зрителей.

Музыкация страшно много, но с другой стороны нет на удивление какой-нибудь трюкаческой гармонии, нет того, что мы называем формализмом. Очень ясная мелодическая линия и сложная гармонизация и при красочности оркестровки это не страшно. Но только нужно при исполнении очень следить за пропорцией звучности оркестра, сценч, и когда мы услышим эту вещь в какой-нибудь черновой репетиции, то можно будет больше сказать конкретно.

Пока что можно приветствовать!

Это действительно не опера в том смысле, как мы понимаем. Название "лирико-комическая опера" - несколько претенциозное. А "комическая опера", как подразумевает история включает обилие лирики. Это название исторически, очень почтенное название и вполне идет к стилю этого произведения.

ШЕРШЕНБЕРГ. У меня есть такой вопрос. Как вы считаете - правильно ли название "Влюбленные", а не "Двенадцатая ночь".

КОРОЗОВ. Это не "двенадцатая ночь". Большой ~~кхххх~~ такт, что вы даете другое название. Это получается очень интересно. Последние шекспира гробово! Почему же вы не имеете права ваять и использовать. Если назвать "двенадцатая ночь", то тогда нужно говорить о том, что это - "двенадцатая ночь".

Замечательно остроумно сделано. Если можно так сказать, здесь есть "технология" Шекспира.

ВОЗГЛАС. Здесь три "ш" - Шекспир, Шершеневич и Шеншин! /СМЕХ/

ШЕРШЕНЕВИЧ. А у меня даже совпадение "В.Ш."!

ДАМВЕЛЕГОВ. Кстати, сделайте вместо Цезария - Цезарио. Так будет больше по итальянски!

КОРОЗОВ. Привыкли к Цезарио!

ДАМВЕЛЕГОВ. Если от латинского, то тогда Цезариус!

ШЕРШЕНЕВИЧ. Здесь как только будет сочетание с буквой "с", то это "СЧ" очень трудно будет. "Ч" вообще трудная буква! Но я могу переменить, не жалко!

ЛИТОВСКИЙ. Я немножко люблю Шекспира, люблю музыку и немножко артист. С этих точек зрения я и хотел бы сказать несколько слов.

Меня не пугает трудность музыки, равно как ее гармонизация и сложность популярно-народных кодов. Думаю, что нет никаких непреодолимых трудностей, кроме простой непривычки для певцов вообще и в частности и в особенности для певцов оперетты. Это как раз не пугает. Думаю, что и артист воспримет музыку и не будет она грубо звучать, как сегодня из-за ударности инструмента, навойливо вдавливаемого в уши - где должна быть мягкость, певучесть. Музыка очень похотливая. И либретто мне очень понравилось. Должен сказать, что я его не читал, слушал только сегодня. И хотелось бы прочесть. Думаю, что либретто сделано тактично.

Прав Михаил Михайлович, что лучше назвать не "Двенадцатая ночь"...

ШЕРШЕНЕВИЧ. Даже в договоре не названа - "Двенадцатая ночь".

ЛИТОВСКИИ. Сидовало бояться, как бы не вышло конфуз, как уфлета. Но тем не менее, отпавая всяческую дань восторгом от музыки самой по себе и либретто самому по себе, я должен согласиться с Михайлом Михайловичем, что синтез здесь не ощущаешь, не ощущаешь абсолютно стиливого единства. Не чувствовалось в музыке улыбки, живнерадостной улыбки, а это свойственно и Шекспиру и театру оперетты обязательно.

Есть известный реализм в первом акте, несмотря на множество тончайших лирических мест. Это дает впечатление о сложной гармонизации неожиданных ходах. Мне, как музыканту, это ничуть не неприятно. Но, повторяю, будучи приложено это к другому течению, это звучало бы лучше. У меня все время ощущение такое, что текст идет в стремлении взорваться фейерверком, а музыка его в рамки втискивает - построже, построже, Шершеневич!

Такое ощущение у меня есть. Это не ощущение малокровия. Музыка полнокровная, интересная, но стиливого единства здесь не ощущаешь. И здесь ли задача, чтобы в процессе работы ^{театра} над музыкой облегчить музыку? Думаю, что нет! Это не удастся! Она органична!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Кое-что придется!

ЛИТОВСКИИ. О частностях я не говорю, о кое-что

Я говорю о целом! В целом она остается такой же. Это рубеж для театра оперетты, когда будет вообще хорошая музыка и хорошо будут петь. Я давно не был в театре оперетты. Так ли хорошо поют сейчас, как разговаривают? Нет ли этой диспропорции? Во всяком случае, задача для певцов очень трудная, не только для певцов, квалифицированных на легкой музыке, на легком жанре оперетты, но и для певцов сравнительно больших оперных форм. Цельный ряд нест очень труден. Но все это меня не смущает.

Заканчивая! Повторяю, что единства я не ощущаю. Ряд номеров очень хорош, но все же лучшие номера с точки зрения жизнерадостности и эмоциональности, страстности /может быть это мое личное субъективное ощущение/ но я не принимаю в шекспировской юбке.

Чтобы вполне судить, надо взять клавиш, попробовать, поиграть!

ВЕГУЗИН. Самое правильное определение - это мысль т. Дживеллова, что очень хорошо, что театр взялся за Шекспира, чтобы передать его жизнерадостное восприятие мира, шекспировское восприятие мира, шекспировских людей, шекспировской среды.

С этой точки зрения нужно подходить к оценке музыки, к оценке текста, к оценке будущего спектакля.

К чему обязывает природа оперетты, природа определенного жанра. Все таки это театр оперетты

Очень важно думать, как воспримет зритель. Зритель приходит в театр, чтобы услышать музыку, которая легко поддается восприятию, которая рождает определенные жизнерадостные мысли, настроения, чувства и т.п. И поэтому, если музыка представляет трудности для восприятия зрителем, это очевидно будет так, потому что здесь мы слышали высказывания очень квалифицированных зрителей, высококультурных зрителей, если для них музыка трудна, то рядовой зритель будет ее воспринимать неизмеримо труднее.

Чтобы подтвердить мысль Михаила Михайловича о диспропорции между текстом и музыкой, хочу обратить внимание на отдельные куски. Возьмите шотландскую песню. Она воспринимается очень легко, хорошо, приятно, чувствуешь мелодию, ощущаешь ее, и зритель и.б. петь будет. Возьмите арию Мальволио, возьмите трио. Это все в полной мере совпадает с блестящим текстом — здесь я согласен с товарищами — текстом — Шершеневича. Возьмите песню — "В мире жил один бедняк" — прекрасная мелодия. На этом все сходится. Но смотрите — "Эхо". Действительно — текст замечательный, а возьмите музыку! Я ждал с нетерпением музыки, но когда услышал, то почувствовал, что впечатление было от удачного блестящего текста Шершеневича.

Должен сказать, товарищи, о тексте! Я имел счастье или несчастье — читать один из вариантов либретто, который произвел на меня очень неприятное впечатление.

Название, кажется; — "Двенадцатая ночь"! И у меня и у многих возникла серьезная тревога за спектакль. И должен сказать, что работа, которая проделана Шершеневичем сейчас — просто замечательная. Этот текст настолько вырос, и я в некоторых отрывках искал, где Шекспир и где Шершеневич. Просто принимал некоторые куски Шершеневича за куски Шекспира. Это результат большой работы Шершеневича. И надо отдать должное театру, он много поработал. И этот текст совершенно неравнин в первоначальном тексте.

Чего хотелось бы? Той искренности, которая есть у Шершеневича в тексте, нет в музыке. Хотелось бы, чтобы все кардинальные места, все кардинальные арии, чтобы они были бы на уровне того же трио или песни "В мире жил один бедняк", или той же песни "Посвящую вам"... Это не вызывает сомнений. Произведение ~~хорошо~~ создает приятное хорошее впечатление. Совершенно правы товарищи, которые считают, что этот спектакль повышает в значительной мере культуру актера, театра... Эта работа очень значительное явление в театре. Это повышает его культуру.

Уровень музыкальной культуры этого произведения также достаточно высок, но я чувствую, что в средствах композитора те части, которые производят на нас и на некоторых товарищей тяжелое впечатление, которые являются грузными, которые говорят о диспропорции, мне кажется, что в средствах композитора довести их до такого уровня, на которо

15

должен быть весь спектакль. И с этой точки зрения, я вношу такое предложение. Если есть возможность, если это не расхлебается с возвращением композитора, если есть возможность часть номеров как это навивают в оперетте, тяжелых отрывков изменить/до скажу общую фразу - облегчить/, если есть эта возможность с той точки зрения, чтобы сделать это более доступным для усвоения, то это следовало бы сделать. Очень желательно, когда зритель сам начинает петь то, что слышит в театре. Оперу надо слушать не пять раз, а после оперетты через час ее поют. И я чувствую, что это в средствах композитора, и театру поступил бы правильно, если бы еще продолжил свою работу над музыкой в той части, где она производит впечатление какой-то диспропорции между легкостью текста и музыкой, в тех местах, где т. Литовский усматривал равносилье. Это тяжелая вещь для спектакля. Это обязательно необходимо исправить.

Вот к чему сводится мое впечатление, хотя общее впечатление от музыки, но в связи со спектаклем, конечно, хорошее, как от хорошей музыки, культурной, интересной, сложной. И поэтому я предложил бы, и н. б. присоединились бы и т. т. из шекопировцев, пересмотреть ряд отрывков, тем более, что музыкальных шекопировских спектаклей давно не было.

ВОЗГЛАСИ. Или такие спектакли!

БЕРУЗИН. Композитор должен взять за эту задачу, и театр должен помочь выйти с честью из этого дерзновения.

КРЕЙТОР. Мое впечатление, что некоторые номера не нуждаются в коренной переделке, а только в реакционных поправках и конечно какие композиторы. Мне бы хотелось, чтобы не получилось пружго, не получилось перегиба в другую сторону, не получилась бы сплошь легкая музчка без шекопировскоу глубинч. Это очень серьезная мысль.

КЕГУЗИН. Вот первая акт!

КРЕЙТОР. Совершенно согласен!

ДАИВЕЛЕЮ В. Там замечательный охотничий хор ШЕРШЕНЕВИЧ, Ария Виола потрясающая.

ЧЕМОДАНОВ В. Меня интересует точка зрения авторов текста и музчки.

КЕГУЗИН. В тексте есть ряд вещей, которые нужно поправить, но это детали!

ШЕРШЕНЕВИЧ. должен сказать, что м.б. даже не так важно мое мнение, потому что я не музыкант, но вот мое впечатление и впечатление не только от уже созданной музчки, но и от создаваемой музчки, потому что я думаю, что не преувеличивая, если скажу, что за много лет, и м.б. за все время работы в советской оперетте - это м.б. единственная вещь ^{первая} ~~хороший~~ образец редкого содружества, такого действительно содружества не когда музчка подписывалась к тексту и когда либретто подтекст вводит клавир, а когда все время работа шла вместе, когда достаточно одергивали друг друга и ругались, чему есть свидетели. Хотя либретто было написано раньше музчки, но потом было переформировано в совместной работе с композитором, что

17

последнюю редакцию вообще можно считать написанной рядом с инструментом Шеншина. Я не чувствую разницы стилей, меня все время это пленяло и я категорически возражаю против мнения о ровности лиричности. Здесь не то, что в одной пьесе 23 номера, из которых можно 19 вынуть и заменить... Это единственное музыкальное произведение, тема которого заложена в первом акте и развивается и растет. Поэтому я считаю, что как раз не правильна точка зрения Николая Григорьевича, что первый акт мало удачен. Это совершенно закономерное положение. Так же растет и пьеса. В первом акте пьеса меньше всего комедийных сцен. И не было материала, кроме одного номера. И я не мог ничего сделать.

Должен сказать, что я ни разу не слышал такого неудачного исполнения Шеншина, как сегодня. Он пел и умело, а сегодня стыдливо замаскировал, как красная девица. И поэтому я должен сказать, что если бы я ближе не знал в подробностях, то вероятно и на меня произвело бы впечатление если не неприятное, то во всяком случае какой-то меланхолической музыки в его исполнении.

Должен сказать, что у меня впечатление, что у Шеншина много вообще оптимизма в музыке и умения в кланном такте. Я не музыкант, в смысле музыки я рядовой зритель. Больше квалифицировать себя не имею права. Но я должен сказать, что я лучше читаю стихи, чем Шеншин поет свои номера. Получается, что я тяну вверх, а он выкальзывает вниз. Но три дня назад он заставил двух актеров

разучить два номера и спеть, и это звучало, как в исполнении Шеншина, когда он поет у себя дома.

Я говорил Шеншину и просто спорил! Относительно трех номеров есть сомнение. Мне не нравится песенка "Эхо". Я говорил об этом и спорил! Затем меня не удовлетворяет и колыбельная песня Марии с хором. И затем чувствуется опереточность в выходном номере Оливии. Чувствую, что это от вальса-бостона. Я слышал 15 раз и 15 раз убеждала меня, что мне понравится, но я чувствую, что это от оперетки. Задача сделать неакадемический театр — это не только благородная задача, но и трудная. И здесь театру придется в значительной степени, если спектакль хочет осуществиться, и так, чтобы это было написано на его знамени, а не на черной доске, придется поступиться рядом своих привычек и традиций. Не будем говорить откровенно, в советском театре оперетты традиций нет и все разговоры о традициях в советском театре оперетты — это пережиток старого революционного театра оперетты или желание спрятаться за почетное слово "традиции". А это голое здание на голой земле. Все, что в нем создается хорошего, создается постепенно шаг за шагом, а за что пытаются прятаться, уходя в сторону так называемого облегчения и заботы о зрителе, — против этого я буду категорически возражать.

Задача театра оперетты, как и всякого театра воспитать и поднять зрителей по трудным моментам, а не спускаться самим и облегчать восприятие зрителей, пришедших на спектакль.

Пусть и лучше из 100 человек 90 вынужденч будут два раза послушать, чем два человека из этих 100 скавали бы "господи, какая дешевка"!

Против чрезмерной опеки над зрителем и в данной и в других спектаклях - я категорически возражаю. Зритель в этом же театре категорически опровергал все представления и предположения. Представьте себе, что если бы три года назад сказали бы - давайте покажем гражданскую войну. Абсурд! Страшно! Как можно! А вы показали "Свадьбу в Малиновке", и какой спектакль проходил у вас с таким успехом!

Разрешите мне напомнить М.И. Бебузову, когда лет 15 назад мы попытались взять тему гражданской войны, не учитывая того, что она слишком была в памяти и получился полный провал. И с мюзиклом Дунаевского спектакль сняли после 12-ти раз.

Зритель переценился и его не нужно сильно опекать. Зритель стал квалифицированнее.

Произведение Шеншина/а моя работа я считаю второстепенной, не только на афишах, но и по существу, это опера Шеншина на тему Шекспира. И в данном случае только подбрасывающая в топку уголь, чтобы паровоз шел. Это мое убеждение, а не кокетничанье. Это - монолитное произведение. И не говорю о том, что 1-2 фразы поправить. Это всегда нужно поправлять и через 15 спектаклей надо поправить. Я предостерегаю только против того, чтобы облегчать, ухудшать и все это катастрофически покажется вынужденно

Мы имеем тысячу примеров этого и в этом театре и в других. Нужно посмотреть в лоб! Для полного театра жанре монолитное произведение подходит и надо браться. Представьте себе страшную вещь, что это не Шеншина, а Бетховена. Вай не выговоришь, и заставишь переписать номер. Здесь прямо нужно сказать - подходит или не подходит. Я прекостережю не от мелких поправок. Они нужны! Но одно из двух - или принять линию Шеншина, которая есть со всеми его мизансами всевозможными и несомненными плюсами, или же сразу сказать - это не подходит, мы очень благодарны за прослушание, за вашу работу... И использует тот театр, которому подходит. Это будет правильно и честно по отношению к сделанному произведению, сделанному с большой любовью, могу это подчеркнуть, и с большим трудом, и с ошибками, которые есть.

МОРОЗОВ.

Хотел сказать еще несколько слов. Во время обмена мнениями кое-что наметилось. Никто не говорит, что нужно соблюдать традиции. Сам факт, что Шекспир на сцене комической оперы, это все единично приветствуется. Но вот вы высказали страх об облегчении. Я скажу вот что! Как Шекспир писал! Вы знаете, что Ск... .. говорил. Писать так, как пишет Шекспир для простого народа. Я был в Шахтах и наблюдал, как горняки смотрели "Отелло". Что это, величайшее произведение? Гениальное! И когда Отелло говорит, что невинная Дездемона, то раздались крики - "правильно!" Люди плакали на этом спектакле. Я подошел к одному горняку и спросил,

понравился ли ему спектакль. Он говорит - побольше бы таких пьес, как интересно и как просто! А эта простота исключает глубину? Нет! Я над кофен-тариями к ОТЕЛЛО работал 2-3 года. И трудно не потому, что Шекспир что-то сложное делал, а по другим причинам. Но когда есть эти трудности, то эта просто подкупает. Когда мы говорим о сложности и трудности, то нельзя ставить знак тождества между сложностью и глубиной. Побольше бы таких мотивов, как песенка Тоби, потому что балла-стафовский фон, т.е. фон, уходящий в народный английский театр, к народным английским балладам, здесь недостаточен. Я работаю в двух театрах и с сегодняшнего дня в третьем, у Вахтангова и Ермоловской театре и у меня все просят песен английских народных. драматический театр ищет Робин-Гудовских песен, чтобы дать Шекспира. В те времена пелись такие песни. Они пропали и в тексте только обрывки этих песен.

И когда мы говорим, что это музыка трудная и слишком сложная, то мне кажется, что это безусловно. Я не могу говорить, что какие то аккорды нужно менять. Я не понимаю этого! но чего-то не хватает. И это "что-то", не нарушая гармонического единства, должна привести и Шершеневич, что-то сократить, что-то внести. И это "что-то" это от Тоби, от Марии идет. Это что-то добавочное за счет сокращения другого. От этого только выиграет спектакль, а если выиграет спектакль, то это будет большим плюсом. для зрителя легче пойдет, потому что больше будет соответствия внутренней сущности

Шекспира. Почему нельзя воткнуть 3-4 штуки, как написано 36!

БЕВЖТОВ. Я сейчас поставил перед собой вопрос, он довольно серьезный и пусть товарищи помогут разрешить.

Я слушал относительно жизнерадостности ощущения "двенадцатой ночи", и мне казалось, что здесь, как в каждой теве есть опасность. Сечас скажу какая. Жизнерадостность, уходящая в бодрость или несколько в бодряческую свою противоположность - мне кажется здесь была бы несколько ошибочной и вредной. Мне представляется целостный образ "двенадцатой ночи", как руняное яблоко все таки с червячком внутри. Здесь есть мотивы смерти, мотивы погильности, в шутковстве... все это должно быть сохранено. Только по ассоциации контрастов подлинная жизнерадостность заиграет. Я приветствую это у Оливии в первом акте, потому что это усугубляет вот этот контраст червячка, который все таки не делает яблоко бльзным. Это мироощущение нужно обязательно донести, и по контрасту с моментами печали и грусти, которые есть. Конечно в трактовке "двенадцатой ночи" есть все таки много печального и не вполне бодрого, веселого. В этом смысле я вот на чем остановился бы. В нашей предварительной беседе с автором и композитором, мне пришлось натолкнуться на одно сопротивление т. Шершеневича, о котором хочу публично рассказать. Он сделал колоссальную первую акт, очиль

23

грузны, потому что при трех-частной делении поэту тяжелее приходится, чем при пятикратной. И в экспозиции он имел мало комедийного материала, материала буфф. И м. б. по недостатку этих моментов в музыкальном сценарии в первом акте все и тоскует. И так понял Юрий Шмануилович, который пожелал больше этого в экспозиции, больше уличливости. Первый акт из-за трехчастности - гигантский, нужно что-то сделать, нужно дать эти песенки-буфф. Здесь великолепно дан этот момент, эти сценки, но как будто недостаточно. И вот м. б. об этой диспропорции и идет речь. Тут я бы с этим согласился. М. б. что-то нужно дать.

Теперь в отношении Тоби. Мне казалось бы, что его переключить слишком с Фальстафом было бы опасно, как бы не впасть в *minus gloriosus*. А что касается мотива Фальстафа у Николая, то тут я считаю, что ни законно может затосковать еще по какой-то экспозиции, потому что эта последняя песенка является как бы его *серио* и первую полнокровную вакхическую можно было дать. Тут вопрос о том, какой бас-буфф и какой актер, чтобы все это воплотить.

Вот Мария - это причудница - не понежена, не похата. Это правильное замечание проф. Морозова и нужно с этим посчитаться. Это сделать не трудно.

В целом я не буду много говорить. Я большой поклонник этой вещи и считаю, что это настоящая работа поэта.

Нужно приветствовать приход поэта в театр.

КОРОЗОВ. Удивительная вещь та, что сегодня первое собрание такого рода, когда люди, занимающиеся Шекспиром пришли не в театр просто, а пришли, чтобы Шекспир пошел в оперетту.

ЧЕМОДАНОВ. Я с тревогой услыхал реплику т. Александрова, что на половину нужно срезать!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Нет, кое-что надо будет переделать.

Разрешите мне подвести некоторые итоги.

Постановка спектакля в оперетте, основанного на шекспировских источниках - дело новое и представляющее большую ответственность и не только для театра, но вообще для всего круга людей, связанных с Шекспиром, литературой, музыкой. Мы должны этот спектакль готовить не изолированно, опираясь на внутренние силы театра, а самым тесным образом связавшись со всеми теми, кто может помочь в этой цели.

Вопрос этот имеет свою историю. Вначале вообще мы были в одиночестве, и мысль о постановке такого спектакля казалась крамольной. Управление по делам искусств в лице Юрия Эльмановича в свое докладе, когда нужно было показывать и дать конкретные примеры, то осудались, зачем же связались с Шекспиром, вот до чего додумались!

Этот период прошел! Сегодня мы можем констатировать, что наши задачи в принципе не оспариваются. Принципиальная возможность этого спектакля никем не была поставлена под сомнение.

Для нас это своего рода победа.

Второй этап нашей работы - это наш нажим и советы В. Шершеневичу - близок Шекспиру! Тот вариант, который он представил, является приближенным к Шекспиру. Для нас сегодня важно установить не является ли эта транскрипция Шершеневича литературно недопустимым явлением по отношению к Шекспиру, авторитет которого мы исключительно чтим. Мне думается, что сегодня мы получили ответ и на этот вопрос, что текст в основном приемлем, хотя нуждается, как и всякий текст, в исправлении, пользуясь тем, что Шершеневич лив. Надо учесть это обстоятельство, использовать его и поработать там, где нужно. Но в основном текст приемлем. Теперь нам надо начать работу с композиторами. Мы еще мало с ними работали, мало критиковали. До сих пор руководство театра шло с автором на известного рода беспринципный блок ради того, чтобы отстоять самую возможность спектакля. Нам не было времени ругаться между собой, а мы все оттаивали основную идею самой постановки спектакля от тех, кто брал это под сомнение.

Мне думается, что правильное замечание было по адресу женщины. Вообще неверно, что мелодия запоевающаяся, мелодия эмоционально насыщенная - это просто упрощенная мелодия. А вот сложная мелодия, которая в ухо не ~~лижет~~ лезет. Ничего подобного! Здесь есть известный процент материала, который несколько наушан, мелодически

бледеи. Вот в этом суть. Очевидно, это придется переделывать. Сможет ли это сделать Шеншин? Сможет, потому что другая часть материала всех удовлетворила.

Напрасно сомни на Бетховена. Он писал весьма мелочливо, и люди, имеющие небольшую музыкальную подготовку, легко олушат.

ШЕРШЕНЕВИЧ. И через 200 лет после смерти Шеншина легко будут слушать... /СМЕХ/

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Когда мы требуем глубокой эмоциональности и мелодической ясности, то мы правы. Не все запоывается. Придется нам рядом номеров поработать. Но это не должно идти по линии упрощения и гармонии н.б. сложной. Пришлось работать над увертюрой Дудашкина, гармония сложная, но репетиции трубачи опорили... Но воспринимается. И не случайно произведение исполняется и вошло в репертуар почти каждого симфонического оркестра. И не об этом речь! В этом направлении композитору придется поработать. Мы внутри поговорим, допросим о пристрастиях, каждый номер прослушаем несколько раз. Для музыкантов ясно все поправки, которые нужно сделать на исполнение. Это ясно! не все спасешь оркестром и вокальными исполнением. И вот эти некоторая тяжеловатость будет ощущаться. Здесь придется поработать и ничего страшного нет. До сих пор композитору мы таких жестких требований не предъявляли. Плавным образом упор был на автора текста. Его навили! Теперь с композиторов мы должны вступить в такие отношения, какие были с Шершеневичем.

Дунаю, что мы по поводу спектакля еще со-
беремся. Желающие могут воспользоваться клави-
ром. Мы размножим и сделаем 3-4 экземпляра. Текст
мы давали.

Сегодня мы получили только первое впечатле-
ние и через некоторый период времени мы соберем-
ся и более детально остановимся на отдельных
частностях.

Разрешите поблагочинить всех участников на-
шего собрания, которые принесли большую пользу
нам для нашего театра и поскольку за наши теат-
ры пойдутся и другие театры - это собрание мо-
жет явиться историческим совещанием.

МЕЧАЕВ. Прокофьев написал балет "Ромео и
Джюльетта". Мы слушали в Бетховенской зале и на
нас это не произвело сильного впечатления. После
этого Прокофьев сделал иве свиты и получилась
замечательная театральная вещь. Исполнение на
рояли не является показательным. И когда будут
говорить о композиторе о переделке того или
другого номера, то надо попробовать исполнить с
певцами, посмотреть, что будет.

МОРОЗОВ. Это обязательно нужно сделать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Конечно!

На этом позволяю закончить.

§:§:§:§:§:§:§:§